

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 81.23

Психологически актуальное содержание ценности «доверие» как лингвистическая база исследования «культуры доверия»

З. Г. Адамова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
zoya_adamova@mail.ru

Аннотация. В статье описываются результаты экспериментального психолингвистического исследования ценности «доверие». Опираясь на теорию речевой деятельности А. А. Леонтьева и культурологическую социологию доверия П. Штомпки, автор демонстрирует, что разные аспекты содержания ценности «доверие» в процессе включения их в речевую деятельность индивида могут выполнять функцию установки. С этой целью в исследовании приводятся параметры анализа речевого действия как социально обусловленного и предлагается структурно-содержательная модель личностного смысла ценности «доверие».

Ключевые слова: культура доверия, ценность «доверие», значение ценности, речевая деятельность как социальная, модель актуального личностного смысла

Для цитирования: Адамова З. Г. Психологически актуальное содержание ценности «доверие»: экспериментальное исследование «культуры доверия» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 48–54.

Original article

Actual Psychological Meaning of the Value «Trust»: Experimental Study of «Culture of Trust»

Zoya G. Adamova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
zoya_adamova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to describing the results of an experimental psycholinguistic study of the value “trust”. Based on the theory of speech activity by A. A. Leontiev and the cultural sociology of trust by P. Sztompka, the author demonstrates that different aspects of the content of the value “trust” in the process of including them in the speech activity of an individual can perform the function of an attitude. To this end, the study establishes the parameters for the analysis of speech action as socially conditioned and proposes a structural and content model of the “trust” value.

Keywords: culture of trust, value “trust”, meaning of value, speech activity as social, model of actual personal meaning

For citation: Adamova, Z. G. (2024). Actual psychological meaning of the value «trust»: experimental study of «culture of trust». Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 48–54.

ВВЕДЕНИЕ. АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Одним из методологических принципов системного подхода к социальному познанию является учет зависимости познавательного процесса от аксиологических установок, обуславливающих общую ориентацию деятельности социальной системы. Речь идет о двух аспектах «ценностной инвариантности»: с одной стороны, обществу, рассматриваемому как абстрактное единое целое, присущи системы идеалов и норм, обеспечивающие устойчивость социальной системы и определяющие пути ее развития; с другой стороны, индивид располагает системой ценностных ориентаций, которые определены структурой личности [Блауберг, Юдин, 1973]. Следовательно, для понимания социальных процессов должны существовать такие методики исследования ценностей, которые позволили бы выявить роль «ценностных регулятивов» как «результата взаимовлияния и взаимоопределения» ожиданий, связанных как с системой социальных ценностей, так и системой ценностных ориентиров личности [Блауберг, Юдин, 1973, с. 244]. Разработка таких методик возможна на основе речевой деятельности индивида как смыслопорождения, в процессе которого актуализируются ценностные смыслы индивида. Они выявляются на основе интерсубъективных представлений о содержании ценностей, зафиксированных в языке. Поэтому психолингвистика может дать репрезентативный материал для а) выявления регулирующей роли аксиологических оснований социальных процессов, б) установления роли языка как фактора, обеспечивающего устойчивость системы базовых ценностей, в) определения детерминантов вариативности ценностных ориентаций индивидов.

Согласно культурологической социологии П. Штомпки, аксиологическим основанием, определяющим характер системы общественных отношений и обуславливающим благополучие общества и развитие культуры в целом, является «доверие» [Штомпка, 2012]. Она демонстрирует, что культура доверия создается в рамках общей культуры и зависит от ценностного инварианта *доверия*. Осмысление ценности «доверие» порождает ее регулирующую роль, позволяя индивиду строить деятельность на доверии, естественно, анализируя условия деятельности, и отвечать на доверие, – в этом процессе формируется «культура доверия» [Штомпка, 2012]. Сущность данного процесса может быть установлена на методологической основе этнопсихолингвистики, которая ставит своей задачей понимание интерпретации индивидом социально обусловленного процесса «конструирования»

мира. Цель данной статьи – продемонстрировать регулирующую роль социальной ценности «доверие» на основе психолингвистического моделирования личностного смысла.

ЛИЧНОСТНЫЙ СМЫСЛ КАК УСТАНОВКА НА (РЕЧЕВОЕ) ДЕЙСТВИЕ

В культурологической социологии доверия ценность «доверие» рассматривается как одна из базовых культурных установок. Одним из исходных правил, на которых основывается культура доверия, П. Штомпка называет осознание людьми доверия как ценности: люди способны верить другим, когда они считают доверие ценностью, т. е. «серьезное отношение к оказанному доверию» становится правилом «так должно делаться» [Штомпка, 2012, с. 292]. Установка для психолога, как известно, представляет собой готовность к активности в определенном направлении [Имедадзе, 1989]. В социологии «естественная установка» рассматривается как «форма понимания» социального знания и основная категория анализа социального действия [Шюц, 2007]. Так в психологической модели выражается индивидуальный аспект социального познания, а в социологической – условия познания, заданные социальным характером знания. В психологии и психолингвистике установка находит отображение в образе мира как совокупности способов представления знания в результате соотнесения реального опыта индивида, его актуальных потребностей и интерсубъектного знания, представленного в языке [Леонтьев, 2003].

Моделирование образа мира производится на основе ассоциативных данных, которые позволяют выявить и индивидуальный и социальный аспекты культурной установки. Это становится возможным на основе обнаружения способов соотнесения индивидуального и социально-культурного опыта индивидов в речевом действии как предикативной связи стимула и реакции. Так устанавливается содержание образа мира в качестве условия деятельности, в которой формируется и функционирует личностный смысл.

Определяющим фактором формирования личностных смыслов является содержание образа мира, детерминирующего восприятие и понимание действительности. Аксиологический фрагмент образа мира, безусловно, влияет на присвоение содержания ценностей как социальное действие, но для понимания индивидуальной интериоризации «ценностного инварианта» необходимо учитывать весь спектр способов ментальной репрезентации культурных знаний о ценности – от

философских до обыденных. Формализация образа мира в силу его конкретного психологического существования в реальной смыслопорождающей деятельности чрезвычайно трудна, однако моделирование способов представления знаний принципиально возможно на базе речевой деятельности индивида [Пищальникова, 2020]. Система мотивов проявляется в форме эмоциональной составляющей действия [Леонтьев, 1975]. Следовательно, с точки зрения исследования роли речевой деятельности как социально-регулятивной, «ценностная инвариантность» требует в первую очередь специального изучения эмоциональных речевых действий, в которых находят свое выражение «смыслообразующие» мотивы и «мотивы-стимулы» [Леонтьев, 1975]. Эмоциональные речевые действия обуславливают «динамическую сторону» деятельности, «единство аффективного и интеллектуального переживания и познания», которая определяет характер направляющей роли установки [Рубинштейн, 2020, с. 651].

Таким образом, для выявления регулирующего характера ценности «доверие» необходимо подчеркнуть следующие характеристики речевых действий: целенаправленность как представление об образе результата деятельности, о потребностях, связанных с ценностью «доверие»; эмоциональная окраска речевого действия как проявление мотива деятельности; предметность речевого действия. В приведенных характеристиках речевых действий выявляются основания для предсказания между стимулом и реакцией. Они позволяют моделировать личностные смыслы.

Анализ по выделенным параметрам проводится на базе ассоциативного поля, построенного посредством типологизации ассоциативных данных по разработанной В. А. Пищальниковой интегративной модели актуального личностного смысла [Пищальникова, 1992]. Для определения совокупности существенных признаков доверия как социокультурного понятия мы используем определения «доверия», данные в социологии, общей и социальной психологии, а также в философии и духовной литературе. Интерпретация эмоциональных речевых действий производится на основе деятельности теории эмоций В. Г. Асеева [Асеев, 1976].

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОПИСАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Материал исследования – 1226 ассоциатов на слово-стимул *доверие*, собранных в 2020–2022 годы [Пищальникова и др., 2020]. Респонденты – студенты различных высших учебных заведений разных городов России в возрасте от 17 до 29 лет.

На первом этапе мы выделили реакции, представляющие совокупность признаков доверия как понятия. Эта группа реакций, представляющая собой «важнейшую образующую индивидуального сознания», составляет важную часть психолингвистической модели актуального личностного смысла слова; понятие, по А. А. Леонтьеву, в сознании «субъективируется», не утрачивая при этом «своей общественно-исторической природы» [Леонтьев, 1975, с. 71]. Для удобства изложения результатов вслед за понятийными реакциями мы приводим «субъективированные» на основе того или иного понятийного компонента реакции-представления, проанализированные на втором этапе.

Представим признаки ассоциирования в группе психологических понятийных реакций: **доверие как собственно психологические, человеческие отношения**: отношения 35; люди 11; человек 9; отношение 4; связь 2; люди и др.; **доверие как потребность в дружбе, любви и семье**, которые выражают «персонифицированное доверие»: дружба 101; любовь 64; семья 44; друзья 35; близость 19; привязанность 3 и др.

С этой психологической понятийной группой ассоциатов связаны реакции-представления, репрезентирующие **адресатов доверия**. Они свидетельствуют о психологической реальности для респондентов такой важной социологической категории, как «горизонт доверия», который в процессе развития взаимодействия с миром постепенно расширяется «от конкретных межличностных отношений до более абстрактного отношения к публичным объектам, структурам, учреждениям, организациям, государствам» [Штомпка, 2012, с. 116]. Отметим, что наш анализ выявил «наименьший горизонт доверия» (П. Штомпка), связанный с близкими – членами семьи и друзьями: друг 44; мама 18; близкие 14; родители 10; близкий человек 3; муж 3; парень 3; родные 3; брат 3; близкие люди 2; сестра 2; бабушка и др., с личными знакомыми: партнер; Серега и др. «Абстрактные» адресаты, относящиеся к «отдаленному горизонту» доверия, связанному с общественной группой, представлены в единичных реакциях *генерал, родственники и старость*. Последнюю реакцию мы интерпретируем как адресат доверия, согласно общепринятому представлению о старости как источнике мудрости и жизненного опыта, которому можно доверять.

С социологической точки зрения доверие как механизм снижения онтологической неопределенности всегда подразумевает риск, обусловленный неполнотой знаний о действительности, и поэтому оно основано на свободе воли индивида, т. е. доверие определяется как свойство субъекта доверия. Социологический понятийный компонент,

связанный с **риском и убежденностью в ком-л., чем-л.**, обнаруживается в речевых действиях, связанных с риском. Он, в свою очередь, контрастно сопряжен с чувством безопасности, и напрямую связан собственно со **свойствами субъекта**. Они подчеркивают «действенный» аспект в понимании доверия, направленный на открытость и смелость в отношениях: *безопасность 4; риск 4; качество 2; осторожность 2; ответственность 2; ответственность 2; доброта; защита; защищенность; отвага; отдаваться полностью* и др.

С социологическим понятийным компонентом связаны представления об «**отрицательном**» **свойстве субъекта доверия**: *слабость 8; наивность 2; простота, робость*. Очевидно, что такое отношение к субъекту, выражающему доверие, формируется на общеизвестной характеристике доверия как «хрупкого». По мнению психологов, распространенность представления о «хрупкости» доверия объясняется «асимметричным принципом создания и разрушения доверия»: «отрицательные события больше заметны, чем позитивные, создающие доверие» и имеют большее влияние на доверие [Купрейченко, 2008, с. 40]. В философии «хрупкость» доверия объясняется его этимологической общностью доверия с «правдой-истиной», которая предполагает «бережное и охранительное» отношение к доверию как к «первооснове» [Биричева, 2023, с. 7].

Речевые операции, связанные с **потребностью субъекта выразить свободную волю испытывать доверие (к) кому-либо**, также связаны с социологическим понятийным компонентом: *к людям 17; к близким 5; близким 3; людям 3; к любимым 2; верь всем; близким людям; друзьям; женщине* и др. Такой вид действия, ориентированного на других, П. Штомпка называет «предвосхищенным доверием», когда субъект деятельности проявляет доверие к собеседнику, но не ожидает доверия взамен [Штомпка, 2012]. Это доверие основано на «эмоциональной основе сотрудничества» [там же, с. 153].

Отметим, что все проанализированные группы реакций являются персонифицированными и демонстрируют «наименьший горизонт доверия».

Речевые действия «доверие – *честность*» (35) и «доверие-*надежный человек*» мы относим также к понятийному социологическому компоненту. Согласно П. Штомпке, **ожидание честности** связано с «обязывающей уверенностью» [там же, с. 88]. Такое действие, выражающее доверие, подразумевает не только «наделение доверием», но и ожидание ответного, «спровоцированного» честного и добросовестного действия [там же]. Этот рациональный вид доверия основан на доверии как

«реляции», т. е. постоянных взаимных отношениях [там же, с. 149].

Следующая группа реакций-представлений, связанных с социологическим понятийным компонентом, актуализирует признак **рациональный подход к доверию как свойству «объекта доверия»** [там же]. Представления о доверии как свойстве объекта мы находим в реакциях: *заслужить 5, проверка 3; заслуженное 2; заслуга; и др.*, а также в реакциях, связанных с представлениями о партнерских или деловых, отношениях: *банк 4; деньги 2; бумага; договор, доверенность* и др.

Наконец, рассмотрим реакции-представления, связанные с доверием, а также сопряженные с ним понятия истины, веры. Они соответствуют онтологическим основам как психологических, так и общественных связей, отношений. Эти речевые действия выражают **потребность в доверии**, основанном на открытости и рекуррентных отношений с миром. Во-первых, речевые действия, репрезентирующие отношение к доверию как к «первооснове», которое подразумевает открытость, надежность и принятие, или свободу себя и других: *открытость 23; уважение 15; надежность 11; искренность 9; доброта 6; правда 6; забота 5; добро 2; гармония 2; поддержка 2; принятие 2; истина 2; свобода 2; сердце 2; сомнение 2; абстрактно; альтруизм* и др. Во-вторых, отношение к **доверию как уверенности или вере**: *вера 23; преданность 16; уверенность 15; верность 17; надежда 11* и др. В-третьих, речевые действия, актуализирующие возвратный, или **рекуррентный характер субъектов доверия**: *понимание 5; взаимное 2; взаимно; взаимность* и др. Ю. С. Степанов выделяет два основных когнитивных слоя концепта «вера»: веру как «акт воли» или «акт веры, уверования» и веру как результат, как «содержание веры», упование, надежду [Степанов, 2001, с. 274–277]. В основе такого концепта лежит понятие доверия как духовного «круговорота общения», который последовательно ведет к «возникновению доверия»; две его составляющих изначально дополняют друг друга [там же, с. 266]. На наш взгляд, в представлениях о «доверии» наблюдается противоположение двух концептуальных начал. С одной стороны, речь идет о «догме», которая подразумевает «твердую уверенность», с другой – о взаимном доверии, из которого «произрастает вера» [Чупров, 2017].

В связи с уязвимостью доверия как основы взаимодействия с миром мы выделили в отдельную группу ассоциатов **уязвимость доверия**: *хрупкость 4; уязвимость 3; хрупкое 2; временность; зыбко; крупница; хрусталь* и др. С «хрупкостью» доверия связаны и представления о свойствах субъекта доверия, таких как слабость, наивность

и простота. По словам философа, «самое грустное и парадоксальное», что эти свойства оцениваются как «отрицательные», так как они основаны на понимании доверия как «лекарства от страха» быть обманутым [Чупров, 2017]. Такое понимание связано с подсознательным желанием быть уверенным во всем и не сомневаться в представлениях, которые превращают доверие в страх и замкнутость, а веру в догму. Это приводит к осмыслению доверия как источника обмана: тот, кто сомневается, слаб, а тот, кто не сомневается, силен и может обмануть сомневающегося [там же]. Между тем, сомнение креативно: «усомниться вовсе не значит поставить истину под вопрос, – это значит ставить под вопрос свое очень ограниченное представление об истине» [Антоний Сурожский, URL]. Такому представлению о сомнении и представлению о **доверии как источнике обмана** соответствуют речевые действия, благодаря которым доверия связывается с: *предательством 12; ложью 7; обманом 6; замкнутостью; корыстью; коррупцией* и др.; с противоположной стороны: *полное 3; всеобщее 2* и др. Следует отметить, что ассоциаты, основанные на субъективном представлении о доверии как источнике обмана не способствуют формированию интегрирующей и направляющей функции базовой ценности «доверие».

В особую группу мы выделили речевые действия, репрезентирующие **вектор доверия, направленный на себя**, так как с точки зрения философии и психологии доверия направленность на себя является сущностью доверия [Биричева, 2023; Чупров, 2017; Купрейченко, 2008]: *к себе 4; себе 2; личное; лично я*.

Теоретическая (речевая) деятельность по саморегуляции предполагает активное осознание, связанное с действием, поступком. Только такое понимание взаимодействия с миром может выполнять свою регулирующую функцию. Рассмотрим речевые действия, относящиеся к исполнительной стороне речевой деятельности, **формами выражения и/или осуществления доверия**: *секрет 7; рукопожатие 6; объятия 5; время 2; секреты 2; взгляд; не предать; объятие; поступок* и др. Так же, как и в предметном содержании представлений о доверии, в приведенном перечислительном ряду обнаруживаются связи с «предвосхищенным доверием», основанным на эмоциональных отношениях. Такое доверие основывается на потребности в уверенности и преданности. Они становятся актуальными как проявления доверия. И только одно речевое действие *доверие-поступок* указывает на осознание того, что регулирующая основа доверия определяется прежде всего активными действиями [Штомпка, 2012]. Такое осознание выражают также

выявленные ранее в речевых операциях представления о свойствах доверяющего субъекта.

Наконец, на заключительном этапе исследования мы проанализировали эмоции, составляющие мотивационную основу ценностного отношения к миру. При интерпретации эмоциональных речевых действий мы руководствовались теоретическими положениями о социальной природе эмоций, которые представляют собой единство аффективного и интеллектуального, переживания и познания [Рубинштейн, 2020]. В соответствии с задачами исследования на основе двумодальной структуры мотивации В. Г. Асеева среди эмоционально-оценочных речевых действий мы выделили нейтральные речевые действия, связанные непосредственно со **значимостью доверия**: *важно 9; сложно 9; сила 7; важность 6; ценность 6; главное 5; основа 3; сложность 3; тяжело 3; необходимо 2; необходимость 2; без него никуда; бесценно; важное; главное в жизни, ценно* и др. В отдельную группу выделены положительные и отрицательные эмоционально-оценочные речевые действия, связанные с **субъективными состояниями**: с одной стороны, с надеждой и облегчением и с другой стороны, со страхом и разочарованием. Их содержание представлено в таблице 1.

Двумодальная структура мотивации учитывает активность субъекта: отрицательным эмоциональным переживанием сопровождается актуальное состояние неудовлетворенной потребности, которое приводит возникновению другой деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ, направленный на выявление связей между мотивационной, целевой и исполнительной сторонами речевой деятельности, выявил следующее:

1. Эмоционально-оценочные речевые действия занимают в структуре модели актуального личностного смысла 20%, при этом более половины их имеют отрицательную модальность. Наличие, с одной стороны, эмоциональных речевых действий «молчания», отрицания доверия, страха быть обманутым, эмотивов, переживаний по поводу «дефицита» доверия могут свидетельствовать о потребности в собственно социальной доверии. Это подтверждается нечастотными представленными формами выражения и/или осуществления доверия. С другой стороны, речевые действия положительной модальности говорят об удовлетворенной потребности в доверии на межличностном уровне, уровне близости и тесных эмоциональных взаимоотношений. Они подтверждают распространенность представлений о доверии как «основе эмоционального сотрудничества».

Эмоции ожидания, связанные с надеждой (всего 46 реакций)	Эмоции ожидания, связанные с разочарованием (всего 93 реакции)
Утверждение, что доверие есть (всего 9): <i>есть 6; везде; всегда; да.</i> Положительная эмоция и оценка (всего 39): <i>спокойствие 8; тепло 6; радость 3; хорошо 3; благо 2; мир 2; теплота 2; успех 2; вообще хорошо; в спокойствии; здорово; милость; огонь; положительное качество; прекрасное; приятно; сипатия; хорошее; удача.</i> Побуждение к действию: <i>верь всем.</i>	Утверждение, что доверия нет (всего 30): <i>нет 16; нельзя 2; безответность; не бывает; нет доверия; отсутствие; потеряно; никому 2; потеря 2; никому не верю; напрасно; ничего не жду; крах.</i> Отрицательная эмоция и оценка (всего 42): – чувства, связанные со страхом быть обманутым: <i>страх 10; боль 4; опасно 3; ошибка 3; нож 2;</i> – мотив, связанный с доверием как источником обмана: <i>вранье;</i> – оценка, связанная с доверием как источником обмана: <i>глупость 5; разочарование 2; глупо 2; было 2; подводит;</i> – собственно оценка: <i>зло 2; жестокость; плохое;</i> – мотивы: <i>бешенка; жопа;</i> – противоположное теплу чувство: <i>холод.</i> Побуждение к действию: <i>не доверяй.</i> Оценочные переживания, связанные с «дефицитом» доверия: (всего 21): <i>редкость 10; не всегда 3; редко 2; падение 2; исчезает; недостаточность; мало; частичное.</i>

2. Отрицательные эмоции и оценки актуализируют отношение к доверию как к источнику возможного обмана ожиданий и основаны на субъективном восприятии доверия как основы веры. Наряду с потребностью в доверии актуализирована потребность во взаимоотношениях, основанных на правде и открытости (195 речевых действий из 1217). Можно предполагать дефицит «обязывающего» социального доверия, что не способствует формированию мотивации к присвоению доверия как социальной ценности.

3. 480 из проанализированных 970 речевых действий, реализуют субъективные представления респондентов о «предвосхищенном» доверии с «наименьшим горизонтом доверия». На наш взгляд, актуализация узко «психологического» характера доверия объясняется утратой

социальной, регулирующей роли исследуемой ценности.

4. Преобладание представлений рефлексивного характера говорит об отсутствии у респондентов представлений об «абстрактных» адресатах доверия – общественных организациях и государственных структурах; акцентируется доверие к людям в целом. Респондентами не осознаются условия проявления социального доверия, хотя психологические характеристики, связанные с проявлением доверия, отмечаются.

5. Культурные представления о доверии как ценности, основанные на опыте взаимодействия с миром, существенно противоречивы. Такое противоречивое содержание «коллективного» значения ценности «доверие» может способствовать тому, что культура доверия остается «бездейственной».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.
2. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.
3. Имедадзе И. В. Ситуативное развитие мотивации и установка // Вопросы психологии. 1989. №2. С. 90–97.
4. Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 2 (36). С. 52–68.
5. Леонтьев А. Н. Образ мира // Мир психологии. 2003. №4. С. 11–18.
6. Пищальникова В. А. Базовые ценности: методологические проблемы психолингвистического исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 3 (832). 2020. С. 20–35.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Издательство АСТ, 2020.
9. Пищальникова В. А. Проблема смысла художественного текста: психолингвистический аспект. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 1992.
10. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976.

11. Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей / В. А. Пищальникова и др. М.: Спутник+, 2020.
12. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008.
13. Биричева Е. В. Экзистенциальный смысл доверия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 1. С. 4–17.
14. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академический Проект, 2001.
15. Чупров А. С. Доверие в тени обмана и веры // Топос. 2017. URL: <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/doverie-v-teni-obmana-i-very>
16. Антоний Сурожский, митрополит. О сомнении. URL: <https://www.mitras.ru/060429.htm>

REFERENCES

1. Blauberger, I. V., Yudin, E. G. (1973). Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podhoda = Formation and essence of system approach. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Sztompka, P. (2021). Dowiecie – osnova obshchestva = Trust: a sociological theory. Transl. from Polish by Morozova N. Moscow: Logos. (In Russ.)
3. Imedadze, I. V. (1989), Situativnoe razvitie motivacii i ustanovka = Situational development of motivation and attitude. Voprosy Psychologii, 1989, 2, 90–97. (In Russ.)
4. Schutz, A. (2007). Nekotorye struktury zhiznennogo mira = Some structures of the Life-world. Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2007, 2(36), 52–68. (In Russ.)
5. Leont'ev, A. N. (2003). Obraz mira = An image of the world. World of Psychology, 4, 11–18. (In Russ.)
6. Pishchalnikova, V. A. (2020). Basic values: Methodological problems of psycholinguistic research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3 (832), 90–97. (In Russ.)
7. Leont'ev, A. N. (1975). Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' = Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
8. Rubinshteyn, S. L. (2020). Osnovy obshchej psihologii = Basics of general psychology. Moscow: AST. (In Russ.)
9. Pishchalnikova, V. A. (1992). Problema smysla hudozhestvennogo teksta: psiholingvističeskij aspekt = The problem of the meaning of a literary text: psycholinguistic aspect. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)
10. Aseev, V. G. (1976) Motivaciya povedeniya i formirovanie lichnosti = Motivation of behavior and personality development. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
11. Pishchalnikova, V. A. et al. (2020). Dvuyazychnyj associativnyj slovar' bazovyh cennostej = Bilingual associative dictionary of basic values / V. A. Pishchal'nikova, Z. G. Adamova, Yu. P. Kosheleva, N. S. Panarina, A. I. Khlopova, Pei Caixia, Yao Zhipeng. Moscow: Sputnik+. (In Russ.)
12. Kupreychenko, A. B. (2008). Psihologija doverija i nedoverija = Psychology of trust and mistrust. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Psihologii RAN. (In Russ.)
13. Biricheva, E. V. (2023). Existential sense of trust. Vestnik of Saint-Petersburg State University. Philosophy and Conflict Studies, 2023, 39(1), 4–17. (In Russ.)
14. Stepanov, J. S. (2001). Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya = Constants: Dictionary of Russian culture. Research experience. Moscow: Academ. Proekt. (In Russ.)
15. Chuprov, A. S. (2017). Dowiecie v teni obmana i very = Trust in the shadow of deception and faith. Topos. 2017, November 20. <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/doverie-v-teni-obmana-i-very> (In Russ.)
16. Anthony of Sourozh. O somnenii = About doubt. <https://www.mitras.ru/060429.htm> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Адамова Зоя Гаврильевна

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник Лаборатории психолингвистики
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Adamova Zoya Gavrilievna

PhD (Philology)
Leading Researcher at the Laboratory of Psycholinguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.12.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	24.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	17.02.2024	accepted for publication